ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)
Электронная почта: zolivnik@mail.ru

Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы

УДК 327 doi: 10.24866/2542-1611/2017-4/13-24

Среди нерешённых проблем и конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) внимание исследователей привлекают территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ). Остроту конфликту придаёт антиномичность интересов его участников, рекламационная деятельность Китая, возрастающее внимание к проблеме со стороны внерегиональных игроков. В статье отражено российское видение проблемы, затронуты вопросы соотношения правового регулирования территориального спора, национальных интересов сторон-участниц, геополитические реалии. Методической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов, документов по исследуемой проблеме.

*территориальные споры,
конфликт,
Южно-Китайское море,
свобода мореплавания,
острова,
территориальные воды,
исключительная экономическая зона*

Проблема морских территориальных конфликтов в западной части Тихого океана сохраняет актуальность в XXI веке, несмотря на углубление региональной экономической интеграции, тесные двусторонние отношения между участниками споров, многочисленные дебаты по вопросам принадлежности островов на правительственном уровне и в формате «второй дорожки». Особое внимание мировой общественности уделяется обстановке в Южно-Китайском море (ЮКМ), а конкретно спорам, касательно принадлежности Парасельского архипелага и островов Спратли.

На протяжении десятилетий ситуация со спорными территориями остается нерешенной, попытки урегулирования конфликтов оказались неудачными, обсуждение проблемы в многосторонних структурах не принесло результата. Предлагаемые как противоборствующими, так и внерегиональными сторонами варианты выработки единой платформы для последующего перевода проблемы в русло конструктивного решения упираются в разные позиции спорщиков и нежелание идти на компромисс.

Неразделённые острова в ЮКМ остаются камнем преткновения для участников конфликта, а его водные пространства – плоскостью пересечения их интересов, что создает очаг противоречий и угрозу региональной безопасности. ЮКМ, имеющее полузамкнутый характер, по площади составляющее 3,5 млн. кв. км, омывает берега Индокитая, островов Калимантан, Палаван, Лусон, Тайвань, южное побережье

Рис. 1.
Территориальные споры в Южно-Китайском море.
Источник: [8]

Китай и включает более 200 разрозненных островков, рифов, отмелей [17]. В юго-восточной части ЮКМ находится так называемая «опасная земля» – участки моря с множеством невысоких островов и бухт, рифами и атоллами, во время отливов резко поднимающимися над поверхностью и несущими угрозу мореплавателям.

Через акваторию ЮКМ проходят международные морские коммуникации, осуществляется транспортировка углеводородов с Ближнего Востока (в том числе до 80% импорта нефти Китая и Японии) [13]. Особое значение для мировой экономики играет Малаккский пролив, ежегодно пропускающий 70 000 торговых судов и около 20 000 нефтяных танкеров [10]. Суммарные залежи нефти в ЮКМ по предварительным данным составляют 23–30 млрд. тонн, а природного газа – около 16 трлн. куб. м. [1]. Бассейн ЮКМ находится на 4 месте в списке 19 крупнейших рыболовных районов мира [15, р. 319]. Несмотря на важное экономическое и стратегическое значение ЮКМ в региональном масштабе, его акватория является зоной перманентных территориальных проблем, в которых принимают участие островные державы Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Китай (см. рис. 1).

История конфликта уходит корнями в колониальный период (кон. XIX – нач. XX в.), когда происходят первые столкновения между Цинской империей и французской администрацией касательно принадлежности островов. В 1930-х гг. китайское правительство отклонило предложение французской стороны рассмотреть спор в международном суде. Впоследствии морские территории были оккупированы Японией и уже после её поражения стали яблоком раздора между государствами, входящими в акваторию ЮКМ.

Главные противоречия сконцентрированы вокруг островов Парасельских и Спратли, контроль над которыми обеспечивает доступ к морским коридорам, позволяет создавать инфраструктурные объекты, в т. ч. двойного назначения. С другой стороны, в условиях обострения конфликта в ЮКМ, возникнет необходимость использования других транспортных маршрутов, что приведет к существенному увеличению стоимости перевозки товаров и нежелательным последствиям для международных рынков.

Позиция КНР строится на историческом правообладании данными территориями, открытыми китайскими рыбаками более 2 тыс. лет назад и упоминающимися в китайских картах разных династий [19, р. 91] и других источниках (в том числе западных) [3] задолго до момента, когда возникла проблема принадлежности островов. Тайвань в целом разделяет позицию Китая. Кроме того, Китай опирается на положения Каирской (1943), Потсдамской (1945) деклараций и Сан-Францисского мирного договора (1951), подписав который, Япония отказалась от всех территориальных захватов, совершённых в имперский период. Однако суверенитет Китая над островами в этих документах не был официально подтвержден, что в частности явилось поводом для претензий со стороны соседей по ЮКМ, располагавшихся вблизи от островов и вскоре после обретения независимости от западных держав заявивших о своих правах на них. В первую очередь это был Вьетнам, выдвинувший в свою пользу исторические и юридические аргументы, а также Филиппины. В 1950–80-е годы Китай, Тайвань, Южный Вьетнам, Филиппины, Малайзия начинают захват островов, который привел в ряде случаев к кровопролитным столкновениям (в 1974 между КНР и Южным Вьетнамом и в 1988 между КНР и СРВ).

Парасельский архипелаг (Сиша – китайское название, Хоангша – вьетнамское), состоящий из 15 островов общей площадью примерно 8 кв. км (вместе с рифами и отмелями общая площадь его суши может увеличиваться до 10 кв. км), оказался полностью оккупирован Китаем, начавшим вторжение еще в 1950-х, а в 1974, воспользовавшись благоприятной международной ситуацией (сближением с США, ощущавшими «вьетнамский синдром», получением места постоянного члена в Совбезе безопасности ООН, слабостью Сайгона и маловероятностью вмешательства Советского Союза), захватившим архипелаг, вытеснив оттуда войска южновьетнамского режима и открыв себе путь к островам Спратли. Помимо наличия залежей нефти и газа в шельфовой зоне архипелага, Параселы имеют важное стратегическое значение, так как через них проходит судоходная магистраль, соединяющая Тихий и Индийский океаны.

До захвата Парасельских островов Китаем ни Пекин, ни Сайгон не имели последовательной политики касательно спорных территорий и были вынуждены решать более серьёзные внешнеполитические задачи. К тому же начиная с 1950-х отношения между сторонами носили напряжённый характер, а после создания Социалистической республики Вьетнам (СРВ), избравшей просоветскую внешнеполитическую ориентацию, они оставались враждебными до начала 1990 х.

Архипелаг Спратли (по-китайски Наньша, по-вьетнамски Чыонгша, филиппинское название – Калаян) расположен почти в 500 км южнее Парасельского, занимает 250 тыс. кв. км акватории

Южно-Китайского моря. Общая площадь суши оценивалась примерно в 5 кв. км, а с учетом временно появляющихся над поверхностью моря островных образований – 10 кв. км [4, с. 84], однако к концу 2016, благодаря гидротехническим работам китайской стороны, только площадь контролируемой ею территории (7 рифов) возросла на 13 кв. км [14]. Острова Спратли имеют очевидное экономическое значение: здесь осуществляется 10% мирового рыбного промысла, залежи нефти оцениваются до 125 млрд. баррелей, а газовых месторождений – до 500 трлн. куб футов [17], реализуются инфраструктурные проекты. Через острова проходят международные торговые трассы, идёт транспортировка нефти и газа в страны Восточной Азии.

После разработки Конвенции о морском праве в 1982 (вступившей в силу в 1994), прибрежные государства заявили о своих исключительных экономических зонах (ИЭЗ), куда вошли и острова ЮКМ. Участники спора получили право расширить своё территориальное море до 12, а исключительную экономическую зону – до 200 морских миль. В 1979 г. Филиппины обнародовали указ об исключительной экономической зоне и употреблении филиппинского названия островов Спратли – Калаян. В 1980-х малайские войска высадились на трёх островах Спратли. В 1993 Бруней заявил о правах на риф Луиза. Архипелаг Натуна входит в ИЭЗ Индонезии.

В свою очередь Китай принял ряд решений, в т. ч. «Закон КНР о территориальных водах и прилегающих к ним зонах» (1992), которые чётко предусматривали суверенитет Поднебесной над всеми островами в ЮКМ. В 1980–90-е, исходя из заявления о неоспоримом суверенитете над островами Сиша и Няньша, Китай проводил политику экспансии в отношении архипелага Спратли, которая вылилась в вооружённые инциденты с Вьетнамом и Филиппинами.

В отличие от агрессивных действий Китая, хоть и подписавшего Конвенцию о морском праве, но твёрдо стоявшего на позиции отстаивания суверенитета над всеми островами ЮКМ, прочие участники спора придерживались мирных методов в решении проблемы в отношениях друг с другом, пойдя на подписание двусторонних соглашений о демаркации морской границы и континентальном шельфе.

С середины 1990-х Китай пошёл по пути нормализации отношений со странами АСЕАН и углубления экономических связей с ними (в 2001 КНР инициировала создание зоны свободной торговли с АСЕАН, которая была запущена в 2010), что снизило остроту вокруг спорных островов, но не решило проблему. На характер китайских действий в отношении конфликта повлияли в том числе создание в 1994 г. Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) как важного института политического диалога, а также получение Китаем статуса полноправного диалогового партнёра Ассоциации в 1996 г.

В 2002 г. Китай и АСЕАН подписали Декларацию о поведении сторон в ЮКМ, которая предполагала согласованность действий сторон и решение территориальных споров мирным путём в рамках приверженности международно признанных договоров (в т. ч. Конвенции о морском праве, Договора о дружбе и сотрудничестве между странами ЮВА, пяти принципов мирного сосуществования). Кроме того, стороны обязывались удерживаться от заселения ранее необитаемых островов и рифов, а также предпринимать совместные меры в сфере морских научных исследований, обеспечения мор-

ских коммуникаций, борьбы с транснациональными преступлениями (наркоторговля, пиратство и вооруженные нападения на море) [11]. Декларация стала программным документом для последующей разработки Кодекса о поведении сторон, который бы стал основой разрешения споров и противоречий. В 2005 г. была достигнута договорённость государственных нефтяных компаний Китая, Вьетнама и Филиппин о совместном проведении сейсморазведки в согласованном районе ЮКМ.

Ситуация осложняется с 2009, когда Китай опротестовал предложения Вьетнама, Малайзии и Филиппин в Комиссию ООН по границам континентального шельфа и исключительным экономическим зонам в ЮКМ. Ответом Пекина стало выдвижение «девятитипунктирной (в 2013 – «десятитипунктирной») линии» («линии U», вьетнамцы называют её «коровий язык»), обозначающую сферы интересов Китая и распространяющуюся на более 80% акватории ЮКМ [7, с. 3].

В 2011 г. противостояние между тремя сторонами обострилось в результате проведения геологоразведки вьетнамским и филиппинским правительствами совместно с иностранными компаниями в спорных водах. В 2012 г. Китай объявляет острова в ЮКМ суверенными территориями, относящимися к «коренным национальным интересам» наравне с СУАР, Тибетом и Тайванем [7, с. 4]. В этом же году Китай захватывает отмель Скарборо – ИЭЗ Филиппин, а в 2014 г. проводит глубоководное бурение в ИЭЗ Вьетнама. Параллельно Китай создаёт искусственные острова в пределах контролируемой акватории для строительства на них опорных баз. Действия Китая рассматриваются как угроза безопасности в ЮКМ, хотя Конвенция ООН по морскому праву не запрещает создание искусственных островов в ИЭЗ и не наделяет их статусом островов с определением границ территориального моря, ИЭЗ или континентального шельфа [5, с. 202–203]. В ноябре 2015 г. на контролируемых КНР нескольких островах Спратли впервые размещены боевые ракетные батареи, способные поражать воздушные цели в радиусе 200 км [2].

В настоящее время ситуация в ЮКМ остается напряжённой, несмотря на маловероятность масштабного военного конфликта, который невыгоден ни одной из сторон-участниц спора. Проблема спорных территорий привлекает внимание международной общественности, в том числе морских держав, находящихся вне зоны конфликта: США, Индии, России, Японии, Австралии, Франции и др. Таким образом, происходит интернационализация конфликта.

Страны-участницы территориального спора сохраняют контроль над рядом островов ЮКМ. Китаю де-факто принадлежат все Парасельские острова, а также 9 рифов Спратли (в т.ч. и самый крупный на сегодняшний момент объект ЮКМ – Файери кросс), 7 из которых искусственно превращены в острова. На четырёх построены аэропорты двойного назначения. С середины 1990-х Пекин начинает развитие гражданской инфраструктуры на Парасельских островах, скорректировав своё отношение к милитаризации архипелага и его превращения в форпост китайских ВМФ. В июне 2012 на острове Юнсин (Вуди) был организован городской округ Саньша, в который, по замыслу руководства КНР, были включены все острова ЮКМ.

Что касается архипелага Спратли, то Вьетнам контролирует 5 островов (в т.ч. остров Спратли (Чыонг Ша)), 16 рифов, 3 отмели, об-

ладая десятком наблюдательных постов в других частях спорной зоны [7, с. 3]. Филиппинам принадлежат 9 объектов, из которых 5 являются островами. Манила еще в 1972 г. объявила контролируемые участки принадлежащими провинции Палаван. Малайзия владеет 5 объектами, Тайваню принадлежит остров Иту Аба (Тайпиньдао). Бруней и Индонезия претендуют на ИЭЗ, которые пересекаются со сферами других участников спора. На контролируемых островах располагаются военные объекты, прежде всего аэропорты и взлетные полосы.

Как уже отмечалось, претензии Китая распространяются более чем на $\frac{3}{4}$ акватории ЮКМ, причем Пекин достаточно жёстко отстаивает свои позиции. Китай обладает стратегическим видением ситуации, понимая важность контроля над акваторией ЮКМ, который помогает ему обеспечивать реализацию своих военно-политических и геоэкономических проектов, таких как A2/AD (anti-access/area-denial, недопущение проникновения внутрь пространства) и морской шёлковый путь XXI века.

Доминирование в ЮКМ позволяет Китаю следить за поставками энергоресурсов, от которых зависит экономика Китая, управлять шельфовой зоной, богатой залежами углеводородов и водными участками со значительными рыбными ресурсами, не допускать усиления потенциальных противников вблизи китайской территории (в т. ч. с возможностью нанесения баллистических ударов).

Искусственно расширяя площадь контролируемых территорий, Китай не только заметно укрепил своё положение, но и обозначил готовность отстаивать интересы за счёт размещения на островах элементов военной инфраструктуры (военно-воздушных сил, ВМФ, подводного флота). Китайское руководство осуществляет патрулирование спорных вод, что, по их мнению, не противоречит международному праву.

Позиция Китая в отношении территориального спора исходит из принципа «трёх нет»: нет – интернационализации конфликта, нет – многосторонним переговорам, нет – обозначению территориальных требований в ЮКМ [6, с. 96]. Роль центра мирового экономического развития позволяет Китаю занимать однозначно бескомпромиссную позицию по вопросам, относящимся к сфере его национальных интересов. В то же время обострение конфликта в ЮКМ с участием Китая может серьезно подорвать реноме потенциальной сверхдержавы, поэтому Пекин придерживается линии мирных переговоров со своими оппонентами по территориальным спорам.

Позиция Вьетнама строится на его претензиях на все острова ЮКМ, которое Вьетнам называет Восточным, и на юрисдикцию над ИЭЗ и континентальным шельфом. Именно между Вьетнамом и Китаем произошли кровопролитные столкновения, и до сих пор продолжаются стычки в спорных водах. В 2009 г. Вьетнам подал совместную с Малайзией заявку в ООН, в соответствии с требованиями Конвенции по морскому праву, в которой отразил свои позиции по вопросам ИЭЗ и границам континентального шельфа, чем вызвал недовольство Китая. Для отстаивания своих позиций Ханой ориентируется на интернационализацию конфликта, взаимодействуя с внерегиональными партнёрами: США, Японией, Россией – в сфере экономических и политических отношений.

В большей степени интернационализации конфликта поспособствовали Филиппины, претендующие на все острова Спратли, кроме Чьюнг Ша, а также ИЭЗ и континентальный шельф в ЮКМ. В январе 2013 г. Манила, исчерпав возможные политические и дипломатические средства мирного разрешения морского спора с Китаем, в одностороннем порядке обратилась в Гаагский арбитражный трибунал, который в июле 2016 г. вынес положительное для Филиппин решение, которое Китай отказался признавать. В свою очередь Филиппины, отстояв позиции в суде, по-прежнему придерживаются варианта переговорного решения проблемы с Китаем; кроме того, инициатива Манилы не нашла всеобщей поддержки и среди членов АСЕАН, в том числе участников споров.

На развитие ситуации в ЮКМ может повлиять позиция нынешнего Президента Филиппин Родриго Дутерте, в 2016 г. провозгласившего политику сближения с Китаем и отказ от военного сотрудничества с Вашингтоном. На апрельском Саммите АСЕАН 2017 Дутерте в своем выступлении председателя воздержался от критики действий Китая в ЮКМ. Тактика Дутерте напоминает китайско-филиппинское сближение в годы Глории Арройо (2001–2010). Вместе с тем, отодвигая территориальную проблему на второй план, Дутерте не отказывается от суверенных прав Филиппин на острова в ЮКМ. Филиппины, как и Китай, возводят укрепления и базы на контролируемых островах.

Претензии Малайзии, помимо отстаивания суверенитета над ИЭЗ и континентальным шельфом, включают 12 островов, рифов и отмелей архипелага Спратли. На трёх островах, контролируемых Малайзией, построены гражданские и военные объекты, малазийцы эксплуатируют нефтегазовые залежи в пределах своей ИЭЗ, не признавая «девятипунктирную линию». Правительство страны обеспокоено периодическим вторжением китайских судов в ИЭЗ, однако демонстрирует сдержанную реакцию, во многом по причине тесных экономических отношений с Поднебесной. Вместе с тем Малайзия заинтересована в мирном урегулировании территориальных споров, в том числе и посредством привлечения к дискуссии внерегиональных игроков – США, Японии, Австралии.

Тайвань в целом придерживается позиций схожих с КНР, однако в силу особого статуса государства он находится вне круга подписантов Декларации 2002 и не способен принимать участие в разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ. На контролируемом Тайванем острове Иту Аба (Тайпиньдао) функционирует аэропорт и создана военно-воздушная база.

Бруней является одним из наименее активных участников конфликта, претендуя на суверенитет над рифом Луиза, который в 1984 г. заняла Малайзия. Позиции государства касаются контроля над ИЭЗ и континентальным шельфом. В разработке нефтяных месторождений у побережья Брунея принимают участие китайские компании.

Наконец, Индонезия, не претендуя на острова в ЮКМ, заинтересована в защите своих национальных интересов в ИЭЗ и уделяет повышенное внимание защите морских границ, причем позволяя себе подчас жёсткие меры, в том числе топить суда, нарушившие территориальные воды страны. Периодически Индонезия проводит крупные военные учения. В июле 2015 г. в индонезийской прессе появилась информация о планах правительства построить новую воен-

ную базу на архипелаге Натуна, часть территориальных вод которого входят в «девятипунктирную линию» [12]. С другой стороны, именно Индонезия предложила посреднические услуги для разрешения споров в ЮКМ, в частности, предложив проект Кодекса о поведении сторон в ЮКМ, в котором предлагалось решение споров заинтересованными сторонами мирными средствами, путём консультаций и переговоров в соответствии с универсально признанными принципами международного права, в т. ч. Конвенцией по морскому праву [18].

В настоящий момент ход территориального конфликта определяют несколько факторов:

1) Взаимозависимость сторон конфликта, выражаемая колоссальным экономическим значением Китая для стран ЮВА, перманентно растущим товарооборотом между КНР и странами АСЕАН, наличием между ними зоны свободной торговли (ЗСТ) и их стремлением совершенствовать торговое, инвестиционное и техническое сотрудничество. Однако превращение Китая в ведущего торгового партнёра этих стран создает между ними «дилемму экономической безопасности», когда государства ЮВА начинают осознавать свою уязвимость со стороны целенаправленных и не всегда дружественных манипуляций. С другой стороны, Китаю более выгодно поддержание имиджа надежного стратегического партнёра стран АСЕАН, в том числе участников территориального спора. Минимизируя таким образом негативное восприятие своих действий, Китай демонстрирует нацеленность на взаимовыгодные отношения, отодвигая проблемные моменты на второй план и выражая готовность к диалогу и выработке платформы для дальнейшего совершенствования механизмов нормализации ситуации. Вместе с тем суммарные возможности и дальнейшее усиление Китая делают его позиции более устойчивыми, снижая вероятность компромиссов с китайской стороны и увеличивая шансы на иные (дипломатические, финансовые, силовые) варианты решения в свою пользу.

2) Разногласия сторон по конвенциональным аспектам территориальной проблемы мешают выработке оптимального нормативного варианта решения проблемы – Кодекса о поведении сторон в ЮКМ. Участников спора объединяет ключевой для всех вопрос сохранения суверенитета над морскими территориями при одновременном недопущении накала остроты противоречий. Все участники конфликта являются подписантами Конвенции ООН по морскому праву и, следовательно, должны соблюдать нормы международного права. Однако непримиримость Китая ставит под вопрос эффективность мер, опирающихся на соблюдение Конвенции. Как известно, Пекин не признал решения Гаагского арбитражного трибунала, объявившего безосновательными китайские заявления об исторических правах на добычу ресурсов в пределах «девятипунктирной линии».

Исходя из общерегиональных интересов, странам ЮВА сообща легче выработать единую позицию касательно правового регулирования совместных (в том числе силовых) действий, не нарушающих интересы друг друга, но очевидно, что без участия Китая не удастся сдвинуть территориальный вопрос с мертвой точки. В свою очередь Китай заинтересован в сохранении и углублении разногласий среди стран АСЕАН в отношении проблемы (в том числе и интерпретации китайских действия), к тому же Китай имеет рычаги влияния на ряд

стран Индокитая, которые готовы тормозить любые инициативы, идущие в пику интересам Пекина.

Поддерживая имидж миролюбивой державы и выгодного партнёра, Китай стремится отодвинуть негативные оценки своих действий в спорных водах на второй план, одновременно не отказываясь от дипломатических методов воздействия на проблемную ситуацию. Недавнее заявление о договорённости АСЕАН и Китая начать переговоры о выработке региональных руководящих принципов для ЮКМ [9] выражает готовность сторон координировать позиции сторон, не выходя за рамки обсуждения проблемы, и может дать импульс очередному этапу к достижению Кодекса о поведении сторон. В то же время вероятность компромисса со стороны Поднебесной обратно пропорциональна усилению её экономической и военно-стратегической мощи, что не снимает с Китая необходимости ответственного поведения.

3) Сохранение напряженной ситуации в акватории ЮКМ, вызванной активизацией действий со стороны Пекина, обусловлено стратегическим значением территорий ЮКМ. Логика участников спора примерно одинакова и сводится к обеспечению контроля над фактически занятыми островами и их военному оснащению в целях обеспечения собственной безопасности. Китай, Тайвань, Вьетнам, Филиппины и Малайзия возводят укрепления и базы на контролируемых островах. Китай, обладая большими военными возможностями, осуществляет патрулирование спорных районов.

Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), с 1992 г. возрастает милитаризация ЮВА [16], однако совокупные расходы на оборону всех государств АСЕАН почти в 5 раз меньше расходов на оборону КНР, не говоря об уровне модернизации вооружения стран ЮВА и численности НОАК. Вероятно, что участники спора из числа стран ЮВА больше заинтересованы в увеличении своих возможностей для асимметричного удара, чтобы в случае любого наступательного акта Китай понес значительные потери, нежели в итоговой победе [16]. Несопоставимость военно-технических потенциалов Китая и стран ЮВА заставляет последних принимать внешнюю помощь, не гнушаясь в т. ч. и моральной поддержкой, что, в свою очередь, ведет к выходу проблемы за пределы региона.

4) Интернационализация территориального спора создала возможность вовлечения в конфликт внерегиональных игроков (таких как США), сопоставимых по силовым характеристикам с КНР, обладающих глобальными интересами и собственным видением международной ситуации. Ссора с Китаем из-за островов не входит в повестку дня США, к тому же в условиях обострения северокорейской проблемы Пекин рассматривается Вашингтоном как важная фигура, способная нивелировать агрессию Пхеньяна, и в силу этих обстоятельств существует вероятность снижения американского присутствия в спорных водах. Однако рекламационная деятельность Китая и вероятность превращения ЮКМ в «китайское озеро» вынуждают внешних игроков реагировать, что находит выражение в «демонстрации мускулов» со стороны США, инициативах в поддержку стран АСЕАН со стороны Японии, Австралии, Индии, и даже возможном создании антикитайской коалиции. Можно предположить,

¹ За исключением участия в возможных совместных военно-морских маневрах, как, например, состоявшиеся с 12 по 19 сентября 2016 года российско-китайские учения «Морское взаимодействие-2016». Они прошли в Южно-Китайском море, но севернее спорных участков. Возможно, что в 2019 г. Китай предложит провести учения ближе к архипелагу Спратли.

что степень внешнего давления на Китай будет чередоваться в зависимости от характера его угроз региональной архитектуре безопасности и международным транспортным путям.

Если говорить об угрозах России в случае эскалации территориального конфликта в ЮКМ, то участие российских вооруженных сил в боевых действиях в условиях начавшегося военного противостояния может рассматриваться как наихудший и нереалистичный сценарий. Неприятным, с точки зрения российских интересов в АТР, станет очередное обострение противостояния Китая с Вьетнамом в силу стратегического характера отношений Москвы с Пекином и Ханоем. Однако риски для российского морского судоходства в ЮКМ даже в случае усиления кризиса будут минимальны в силу незначительного присутствия здесь как торговых, так и военных российских кораблей¹. Запреты рыбного промысла в спорных водах со стороны Китая также не несут прямой угрозы интересам России, занимающейся рыбодобычей в других регионах планеты; в частности 2/3 российского улова приходится на северо-западную часть Тихого океана.

Вместе с тем активность внерегиональных игроков не снижает напряженность в ЮКМ и в ЮВА в целом. Присутствие третьих сил претит национальным интересам стран АСЕАН, к тому же они опасаются, что давление на Китай способно привести к непредсказуемым последствиям. Однако практика показывает, что странам ЮВА сложно сформулировать конкретные пути решения проблемы без участия международного сообщества. В этом случае привлечение внешних участников к сотрудничеству в формате многосторонних рабочих групп при обсуждении различных аспектов проблемы позволит сохранить конфликт в диапазоне диалога и обмена мнениями и, при сохранении позитивных тенденций, способно сформировать атмосферу доверительных отношений между спорщиками, а в идеале – вывести их на этап принятия решений.

Таким образом, перспективы развития ситуации во многом зависят не только от характера отношений между участниками спора, но и их готовности направить свои позиции в конструктивное русло и не допустить обострения кризиса. По мере нарастания перманентной напряженности в ЮКМ будет усиливаться степень заинтересованности международного сообщества в оказании влияния как на взаимодействие сторон, так и на управление конфликтом с целью не допустить его перерастания в вооруженное столкновение.

Очевидно, что обстановка в ЮКМ, вызывающая озабоченность не только у участников конфликта, но и у внерегиональных акторов, требует совершенствования существующих и создания новых механизмов регионального сотрудничества в сфере безопасности, в том числе активизации и диверсификации полуторной и второй дорожек дипломатии. Поведение сторон конфликта является индикатором их зрелости и ответственного отношения к проблеме, способной дестабилизировать региональный порядок и баланс сил.

Литература

1. Алексеева Н. С запада на восток: чего ждать от переговоров Трампа и Си Цзиньпина. [Электронный документ] // Russia Today. 06.04.2017. URL <https://russian.rt.com/world/article/375843-tramp-si-czinpin-vstrecha> (Дата обращения: 24.11.2017).
2. Карабаев К. Чем грозит Китаю решение Гаагского суда? [Электронный документ] // Вести.ру. 12.07.2016. URL <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2775395> (Дата обращения: 19.05.2017).
3. Китай настаивает на разрешении соответствующих споров между КНР и Филиппинами в Южно-Китайском море путем переговоров [Электронный документ] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Июль 2016. URL http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-07/13/content_38869525.htm (Дата обращения: 16.07.2017).
4. Кобелев Е. В. Южно-Китайское море: тлеющий очаг конфликтов // АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010. 368 с.
5. Конвенция ООН по морскому праву. [Электронный документ] // URL http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea.pdf (Дата обращения: 30.05.2017).
6. Локшин Г. М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21. С. 77–99.
7. Локшин Г. М. Южно-Китайское море: острова раздора // Азия и Африка сегодня. 2015. №9. С. 2–9.
8. Территориальные споры в Южно-Китайском море [Электронный документ] // Московские новости. 21.07.2011. URL <http://www.mn.ru/world/164075> (Дата обращения: 18.05.2016).
9. ASEAN and China to start talks over disputed waters [Электронный документ] // News/Philippines. 14.11.2017. URL <http://www.aljazeera.com/news/2017/11/asean-china-start-talks-disputed-waters-171113155703923.html> (Дата обращения: 15.11.2017).
10. Bo Jiang. Maritime Piracy in Malacca Strait and South China Sea: testing the deterrence and reactance models. [Электронный документ] // URL <https://ccjs.umd.edu/sites/ccjs.umd.edu/files/Bo%20Jiang%20Maritime%20Piracy%20in%20Malacca%20Strait%20and%20South%20China%20Sea.pdf> (Дата обращения: 12.11.2017).
11. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. [Электронный документ] // URL http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (Дата обращения: 31.05.2017).
12. Keck Z. Indonesia Is Building New Military Base in South China Sea. [Электронный документ] // The National Interest, 10 July 2015. URL <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/indonesia-building-new-military-base-south-china-sea-13305> (Дата обращения: 13.08.2017).
13. Mccauley A. The most dangerous waters in the world. [Электронный документ] // URL <http://time.com/piracy-southeast-asia-malacca-strait/> (Дата обращения: 22.05.2017).
14. Phillips T. Images show 'significant' Chinese weapons systems in South China Sea. [Электронный документ] // The Guardian. com. December 15, 2016. URL <https://www.theguardian.com/world/2016/dec/15/images-show-significant-chinese-weapons-systems-in-south-china-sea> (Дата обращения: 17.05.2017).
15. Rahman Ch., Tsamenyi M. A Strategic Perspective on Security and Naval Issue // Ocean Development & International Law. 2010. Vol. 41. Issue 4. P. 315–333.
16. Ribar M. Explaining Southeast Asia's Force Buildup. [Электронный документ] // The Diplomat. January 14, 2015. URL <http://thediplomat.com/2015/01/explaining-southeast-asias-force-buildup/> (Дата обращения: 21.09.2017).
17. «South China Sea». [Электронный документ] // Washington, DC: United States Energy Information Administration (USEIA). February 7, 2013. URL <http://www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?%C5%BFps=SCS> (Дата обращения: 15.11.2017).

18. Thayer C. A. ASEAN's Code of conduct (unofficial). [Электронный документ] // URL <https://ru.scribd.com/document/101698395/Thayer-ASEAN-s-Code-of-Conduct-Unofficial> (Дата обращения: 29.05.2017).
19. Unryu S. Sovereign Rights and Territorial Space in Sino-Japanese Relations. University of Hawaii Press, 2000. Pp. 89–97.